

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Добров, Андрей Станиславович.

Д55 Ужин мертвецов. Гиляровский и Тестов /
Андрей Добров. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105313-0

В Москве, в Купеческом клубе, во время ужина отравили коннозаводчика Столярова, и «король репортеров» Владимир Гиляровский берется сделать об этом репортаж-расследование. Очень быстро выясняется, что Столярова отравили чистым морфином. Но столь редкий препарат не просто достать — он производится лишь лабораторным путем, а значит, купить его можно только у специалиста. Вскоре находится и специалист — аптекарь, который ужинал вместе с убитым. Весьма подозрительный тип! Как и два других приятеля Столярова, делившие с ним трапезу в его последний вечер. Но ведь к подозреваемым можно отнести и повара заведения, и даже самого хозяина, знаменитого ресторатора Тестова! И все же круг предположительных убийц стремительно начинает сужаться, когда за первой смертью следует вторая, а за ней третья, четвертая и пятая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Добров А., текст, 2019
- © Дарья Фомичёва, фото на обложку, 2019
- © Оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105313-0

• ПРЕДИСЛОВИЕ •

Я твердо уверен в том, что самые страшные преступления должны совершаться в ноябре. Ноябрь — лучшее время для кровавых и загадочных убийств. Или не кровавых, но все равно загадочных. И, несомненно, мрачных. Ноябрь — время тьмы, холода и смерти, не правда ли, дорогие читатели? Так что садитесь поудобнее в кресло, укутывайтесь в плед, ставьте перед собой кружку с горячим чаем и отправляйтесь вслед за мной в мрачный и промозглый ноябрь 1902 года.

Но только, ради всего святого, проследите, чтобы во время чтения никто, кроме вас, не прикасался к этой чашке чая!

И, конечно же, все события и персонажи выдуманы и не имеют никакого отношения к реально жившим людям.

• ГЛАВА 1 •

МЕРТВЕЦ В КУПЕЧЕСКОМ КЛУБЕ

Город промок и продрог насквозь. Булыжники мостовой покрылись тонким слоем мокрой грязи, штукатурка стен потемнела от влаги непрекращающихся осенних дождей, молотивших по жестяным подоконникам и крышам. Из печных труб дым поднимался к нависшим совсем близко тучам, сливаясь с ними. Весь город пропах угольной пылью, деревянной сыростью и прелой одеждой. Свет в квартирах почти не выключали — солнце даже днем не появлялось из-за туч, отчего Москва уже третью неделю была погружена в ноябрьские сумерки.

— Я рассчитала кухарку. Ты все равно на нее жаловался, — сказала Маша, наливая мне кофе.

— Тебе посоветовали другую? — спросил я, еще не чуя подвоха.

— Нет, Гиляй.

— А кто будет готовить? — пробормотал я, не отрываясь от «Ведомостей». Я читал колонку происшествий, а именно заметку следующего содержания:

«Вчера вечером в Купеческом клубе на Большой Дмитровке, 17, прямо во время ужина скончался коннозаводчик Пётр Ильич Столяров. После подачи белуги в рассоле коммерсант неожиданно почувствовал себя плохо и с сильным сердцебиением намеревался покинуть клуб...»

Но Маша не унималась:

— Сама.

— Сама? Что?

— Сама буду готовить.

— Ты?

Маша поставила кофейник на стол и уперла руки в бока.

— Гиляй! Ты считаешь, что я плохо готовлю? — спросила она с угрозой.

Я кротко поднял глаза.

— Что ты! Я считаю, что ты отлично готовишь! Просто это утомительно. К нам приходят гости...

Так что там случилось с коннозаводчиком Столяровым?

«...Однако в гардеробной ему стало хуже, и после непродолжительной агонии, сопровождаемой судорогами, он скончался. На место происшествия был вызван пристав Тверской части и полицейский врач. Была установлена предварительная причина смерти — сердечный удар. Умерший был завсегдаем Купеческого клуба, в котором состоял более пятнадцати лет, и всегда отличался неумеренным аппетитом, впрочем, как и многие члены этого клуба».

— К нам приходят дикие орды, а не гости. И они съедят все, что им подсунешь между двумя бутылками, — сказала Маша.

— Да-да, конечно. Горький, Шаляпин, Качалов — это варвары. Но я-то?

— Именно о тебе и речь. Ты когда в последний раз смотрел в зеркало?

Такой поворот разговора меня сильно озадачил.

— Утром.

— Гиляй! Я, конечно, буду любить тебя в любых объемах, но разве тебе самому не тяжело таскать такое количество лишнего веса?

— Лишнего? — удивился я. — Чем тебе не нравится мой вес?

— Он тебе мешает. Ты даже по лестнице на третий этаж поднимаешься с одышкой.

Я отложил газету.

— Послушай, Машка, ты когда-нибудь видела худого слона? Нет? А худого медведя? Худого кабана? В природе худоба — признак болезни. Взрослые животные должны быть упитанны.

— Сам придумал? — язвительно спросила Маша.

— А хоть бы и не сам! Но ведь верно сказано, а?

— Нет, не верно. Не знаю, как там у слонов, а у тебя с сегодняшнего вечера будет полезное питание. По последним медицинским справочникам и книгам.

И тут у меня возникло страшное подозрение.

— А что у нас на ужин? — спросил я.

— Ничего! Сегодня ужина не будет. Уже слишком поздно. Пей кофе. Это все на сегодня.

Так! Я поставил чашку и встал.

— Ты куда?

— Пойду прогуляюсь перед сном. Чтобы забить сосущее чувство голода.

Я грузно метнулся в прихожую, надел папаху, схватил в охапку пальто и шарф и зайцем метнулся на лестницу. Вдогонку мне раздалось:

— И не смей жрать в городе, Гиляй! Имей совесть!

Увы, я собирался сделать именно это — поскольку поужинать дома мне не светило, я подумал, что неплохо было бы перекусить где-нибудь на стороне. И раз уж в Купеческом клубе кормили на убой, как следовало из прочитанной заметки, — не пойти ли туда, тем более что достаточно просто подняться по Большой Дмитровке в сторону Страстного монастыря. Заодно послушаю и подробности происшествия.

Погода даже для короткой прогулки была неподходящей — темень, холодный ветер. Удивительно, как московские улицы, такие жаркие и ленивые летом, в ноябре становились чужими и равнодушными, как будто камни мостовой и самих домов, летом теплые и чистые, теперь поворачивались другой стороной — зябкой и грязной. Я быстрым шагом дошел до огромного особняка Купеческого клуба, окна которого светились желтым электрическим светом, и швейцар в уже зимней ливрее открыл передо мной тяжелую дверь.

В просторной гардеробной я обратил внимание на пустоту — шуб и пальто почти не было, а дородный гардеробщик дремал на табуретке в углу, уронив на колени газету. Я разбудил его, сдал пальто и папаху,

получил латунный номерок и по широкой мраморной лестнице поднялся наверх, в столовую клуба. В большой столовой народу обычно было много, в воздухе висел сигарный дым, вечером бывали здесь и концерты, пел русский хор из «Яра» или цыганский — из трактира Тестова. Но только не сегодня. В столовой было необычайно тихо. На кожаном диване около большого камина шептались о чем-то двое господ. Столы, стоявшие буквой «П» вокруг огромного персидского ковра, пустовали. Только один официант торчал слева у двери, ведущей на кухню. При моем появлении он даже не встрепенулся. Удивляясь тишине и запустению, я сел за один из столов и позвал официанта.

— Что это? — спросил я его. — Отчего такая пустота, куда все подевались?

Официант сделал каменное лицо, пожал плечами и ответил:

— Не могу знать-с.

— А что сегодня на ужин? — спросил я.

Официант замялся, потом нагнулся поближе к моему уху и прошептал:

— Ничего-с.

— Как это ничего? — удивился я.

— Шеф-повар в полиции объяснение дает после вчерашнего, — тихо пояснил официант. — Кухня опечатана господами сыщиками.

— Но, может, хоть холодные закуски есть? — спросил я.

— Как же-с, имеются, — ответил официант. — Холодной ветчины с хреном могу подать, рыбки крас-

ной, белужки, селедочки с картошкой, сегодня все просто, без изысков.

— А что же вчера такого случилось? — спросил я. — Разве посетитель ваш умер не своей смертью?

— Не могу знать-с, — ответил официант. — Следствие ведется. Повара вот забрали. А повар-то — Михаил Иванович! Тестовский!

— Из ресторана Тестова?

— Он-с.

— Ну что же, — задумчиво сказал я, — неси хоть и ветчину. Да хрена побольше. Да грибков каких-нибудь принеси, да икорки, если осталось. И водочки рюмку не забудь.

— Сей момент! — ответил официант и исчез.

Через пять минут передо мной на белоснежной скатерти появился хрустальный графинчик водки и большая тарелка с нежно-розовой ветчиной. Крупнозернистую икру подали в креманке, на толченом льду с завитками масла. Грибы же — по отдельности, там были и превосходной засолки белые, специально привезенные из-под Омска, и грузди — черные и белые, хрусткие, как тонкие льдинки.

Я ел и поглядывал на ту пару, что тихо шушукалась на диване в углу. Один — эконоом клуба Веретенников, преемник недавно почившего Николая Агафоныча. А второго заслоняли широкие листья пальмы в кадке на полу. Он сидел вполоборота ко мне, и я видел только черное плечо, затылок с лысиной, окруженной седыми, подстриженными волосами, и часть седой же бороды. Наконец Веретенников встал и протянул руку для прощания. Встал и

его визави, наконец повернувшись ко мне в фас. Так вот это кто! Иван Яковлевич Тестов — собственной персоной! А разговор наверняка шел о вчерашних событиях.

Веретенников попрощался с Тестовым и пошел на кухню, а знаменитый ресторатор направился к двери столовой, вероятно на выход. Но я бросил недоеденную ветчину, вскочил, с шумом отодвигая стул, и перехватил Тестова у самых дверей:

— Иван Яковлевич! Погодите!

Тестов остановился и бросил на меня хмурый взгляд. «Вспомнит или нет?» — подумал я. Но, вероятно, он вспомнил, потому что брови его вернулись в обычное положение и в мою сторону был сделан короткий кивок.

— Господин Гиляровский? — спросил Тестов, когда я подошел. — Если не ошибаюсь, Владимир?..

— Алексеевич, — закончил я. — Вот, зашел поужинать, а мне говорят, горячего нет и не будет, потому как повар ваш дает показания в полиции.

Тестов помрачнел — ему явно было не по нраву, что я вот так с ходу взял быка за рога и вторгся в его дела.

— Это недоразумение, — сказал он официальным тоном. — Михаила Ивановича опрашивают как свидетеля.

Кроме того, что мне несколько минут назад разболтал официант, я ничего не знал о произошедшем, но Тестову-то это было невдомек! И я решил схитрить.

— Разве не его подозревают в отравлении? — спросил я невинно. — Поверьте, Иван Яковлевич, лично я совершенно уверен, что ваш повар ни в чем не виноват. Ведь это повар из вашего ресторана, а все мы знаем, как вы организовали дело и каких поваров держите! И какие качественные продукты идут в ваши яства, Иван Яковлевич, — это всем хорошо известно! Так что случайное отравление гнилым корешком я отметаю сразу. Но тогда получается, что Столярова, коннозаводчика, отравили намеренно. По какой-то пока неизвестной причине. И понятно, что полиция в первую голову подозревает повара. Вашего Михаила Ивановича.

Тестов молча смотрел на меня.

— Повар может оказаться совершенно ни при чем, — продолжал я. — Но уже сам факт, что его допрашивали в полиции по делу об отравлении...

Я внимательно посмотрел на ресторатора. Мало ли что болтал официант, поэтому я специально несколько раз намекнул в своем монологе на криминальный характер события, и ни разу Тестов меня не поправил. Значит, купца действительно отравили. Его не хватил апоплексический удар, он не подавился косточкой — то есть умер неестественной смертью.

— И что? — спросил наконец Тестов, ожидая, что я продолжу фразу. — Что вы так на меня смотрите, Владимир?..

— Алексеевич.

— Я помню, — ровно сказал ресторатор. — Владимир Алексеевич. Ну допрашивали. И что?

Я пожал плечами.

Тестов нахмурился, и лицо его сделалось жестким. Теперь он совсем не походил на того человека, каким я привык видеть его раньше, когда он на минуту показывался в одном из двух залов своего ресторана.

— Уж не предупреждаете ли вы, Владимир Алексеевич, что собираетесь написать материал в газету и выставить меня в невыгодном свете? Сделать несколько гнусных намеков на возможную виновность моего повара? В какую игру вы играете, господин Гиляровский?

Я тоже отбросил вежливость:

— Какую статью я напишу, это решать мне, Иван Яковлевич. Однако до сих пор я обманывать читателя не приучился. Так что если и напишу, то — правду.

— Какую правду? — спросил Тестов. — Что вам такое известно?

— Не скажу. Но что известно — то уж мое!

Ресторатор фыркнул и огляделся по сторонам.

— Бог вам судья, Гиляровский, не знаю, что вы на меня насели! — произнес он раздосадованно. — У меня и без вас хлопот полон рот. Что вам надо?

— Вы были вчера здесь? — спросил я мягче.

— Приехал к разбору шапок. Меня вызвал Веретенников, когда появилась полиция и захотела увезти повара с собой. Он упросил следователя подождать, пока я не приеду и не узнаю сам о судьбе своего человека.

— Следователь вам назвался?

— Да. Некто Архипов.

Какая удача! Оказывается, дело попало к моему старому знакомому, следователю Сысского отдела Захару Борисовичу Архипову!

— Вы знаете его, Гиляровский? — спросил Тестов.

— Знаю.

Он удивленно взглянул на меня:

— И каков же он?

— Вам повезло, Иван Яковлевич, — ответил я. — Если делом занимается Архипов, то это... это хорошо. Архипов умен, наблюдателен, и... он человек.

— «Он человек»... — пробормотал Тестов, чуть ссутулившись, как будто позволив себе расслабить скованные напряжением плечи. — То есть он не бездушная машина?

— Нет.

Ресторатор кивнул:

— Это хорошо. А как давно вы его знаете?

— Пару раз даже приходилось попадать с ним в переделки.

— У вас дружеские отношения?

Я аж крякнул от вопроса. На самом деле нас с Архиповым действительно связывали почти дружеские отношения. Почти. Но ни он, ни я старались не выносить эти отношения на чужой суд, потому что в его окружении, как и в моем, эта дружба выглядела бы не только странной, но и предосудительной.

— Ну... — осторожно сказал я, — назовем это доверительными рабочими отношениями.

Тестов насмешливо посмотрел на меня, и я подумал, что мой ответ можно расценить как определенное признание.